

ДЖЕЙМС ТЁРБЕР

12+

13 ЧАД
СЛОВ

ПЕРЕВОД НИКИТЫ БРАГИНА

Джеймс Тёрбер

13 часов

«Издательство «Союз писателей»

1950

УДК 811.111
ББК 84(7Сое)6-45

Тёрбер Д.

13 часов / Д. Тёрбер — «Издательство «Союз писателей», 1950

ISBN 978-5-00187-236-8

В сказке американского писателя Джеймса Тёрбера (1894–1961) неразрывно сплетены юмор и романтика, удивительное волшебство и простая человеческая доброта. Свет и тепло любви борются с темнотой и холодом зла. Один из символов сказки – замороженные злом часы, которые способны оживить лишь «сердце девушки, отсчитывающее время юности и любви, и знающее разницу между белизной снега и белизной лебедя, между весенним утром и летним вечером». Для детей среднего школьного возраста.

УДК 811.111
ББК 84(7Сое)6-45

ISBN 978-5-00187-236-8

© Тёрбер Д., 1950
© «Издательство «Союз писателей», 1950

Содержание

Глава I	6
Глава II	9
Глава III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Джеймс Тёрбер

13 часов

James Thurber
The 13 Clocks

© James Thurber, 2023

© Брагин Н. Ю., перевод на русский язык, послесловие, 2023

© Бугун А. А., иллюстрации, 2023

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2023

© ИП Соседко М. В., издание, 2023

* * *

Глава I

Давным-давно, в мрачном замке на одиноко стоящем холме, в замке, где было тринадцать часов, стрелки которых замерли в неподвижности, жил холодный и злобный Герцог со своей племянницей, принцессой Саралиндой. Её теплота не страшилась ветра и непогоды, но он всегда был холоден. Его руки были столь же ледяными, как его смех, и почти такими же, как его сердце. Он всегда носил перчатки, и даже спал в них! Всегда носил, хотя они и мешали ему подбирать булавки, монеты и ядрышки орехов, а также отрывать крылышки у певчих птичек. Он был шестифутового роста, сорока шести лет отроду, и был он даже холоднее, чем считал сам. Один его глаз был закрыт бархатной повязкой, другой же сверкал сквозь монокль, отчего казался больше и страшнее. В двенадцать лет он окривел из-за того, что уж очень ему нравилось заглядывать в птичьи гнёзда и звериные норки в поисках жертв, но однажды вечером мама-сорокопут опередила его. Ночи его были отданы злым снам, а дни – коварным замыслам.

Хихикая и предаваясь порочным мечтам, он хромал по холодным анфиладам замка, придумывая новые невыполнимые задания для поклонников Саралинды. Он не желал отдавать её руку, ибо она была единственным теплом в замке, где даже стрелки его собственных часов, равно как и всех тринадцати настенных и напольных часов, были заморожены. Они остановились все вместе, в одну вьюжную ночь семь лет назад, и с тех пор в замке всегда было без десяти пять. Путешественники и моряки смотрели на мрачный замок, стоявший на одиноком холме, и говорили: «Там замёрзло время, там вечно царит Тогда, и никогда не придёт Ныне».

Холодный Герцог страшился Ныне, ибо Ныне всегда тепло и стремительно, а Тогда мертво и неподвижно. Ныне может принести доблестного и прекрасного рыцаря: «Но нет!» – бормотал леденеющий Герцог. «Принц сокрушит сам себя, взявшись за новое ужасное задание: место, которое столь высоко, что недостижимо, вещь, которая так далеко, что не может быть найдена, ноша, которая столь тяжела, что её не поднять». Да, Герцог боялся Ныне, и даже остановив часы, он со странным упрямством всё смотрел, не пойдут ли они снова, и тешил себя надеждой, что этого не случится.

Приходили лудильщики и желянщики, а изредка даже колдуны, которые пытались заставить часы идти то с помощью инструментов, то заклинаниями, или даже трясая их и ругаясь, но ничего не звенело и не тикало. Часы были мертвы, и, в конце концов, размышляя об этом, Герцог решил, что он убил время, заколол своей шпагой, вытер окровавленный клинок бородой мертвеца, и бросил его здесь, с размотанными и растянутыми пружинами, с разбитым маятником.

Герцог хромал, так как ноги его были разной длины. Его правая нога переросла левую оттого, что в детстве он каждое утро пинал щенков и котят. Он любил спрашивать искателей руки Саралинды: «В чём разница между моими ногами?» – и, если юноша отвечал: «Одна ваша нога короче другой», Герцог пронзал его клинком, скрытым в трости, и скармливал несчастного своим гусям. Правильный ответ был: «Одна ваша нога длиннее другой». Многие принцы погибли, ответив неверно. Другие были убиты за совершенно ничтожные проступки: за то, что потоптали герцогские камелии, не удосужились похвалить его вина, долго смотрели на его перчатки, слишком заглядывались на его племянницу. Те, кому посчастливилось избежать насмешек и шпаги Герцога, получали невероятные задания, ценой выполнения которых была рука его племянницы, единственная живая и тёплая рука в замке, где время было заморожено насмерть одной снежной ночью, когда на часах было без десяти пять. Им предлагалось отрезать ломтик луны или превратить океан в вино. Их отправляли искать то, чего нет, или делать то, что невозможно. Они приходили, и пытались выполнить задания, и терпели неудачу, и исчезали навсегда. А некоторые из них были убиты за то, что носили имена, начинающиеся с букв Кс, роняли ложки, носили кольца, непочтительно отзывались о грехах.

Замок и Герцог всё леденели, а между тем Саралинда, как и положено принцессе даже там, где заморожено время, становилась чуть-чуть старше, но только совсем чуть-чуть. Ей почти исполнился двадцать один год в тот день, когда принц, переодетый менестрелем, пришёл, распевая песни, в город, раскинувшийся на равнине у замка. Сам себя он называл Ксингу, хотя это и не было его настоящим именем, хотя это имя начиналось с букв Кс, хотя это было опасно – но он всё равно так именовался. И был он, как и положено, в заплатанной рванине, обтрёпанный менестрель, поющий ради грошей и любви к песне. Вообще-то Ксингу (как он себя безрассудно называл) был сыном могущественного короля, но ему надоели богатые одеяния, пиры, турниры и доступные принцессы королевства, и он тосковал и мечтал найти в дальнем краю девушку из своих снов, узнать её и спеть ей песню при встрече, и, может быть, даже убить парочку драконов.

И вот, в таверне «Серебряный Лебедь», в городе, расположившемся под замком, там, где собирались трактирщики, странники, болтуны, выпивохи, смутьяны и прочие горожане, принц услышал о Саралинде, прекраснейшей из принцесс всех земель среди всех океанов и морей. «Сможешь превратить дождь в серебро – и она твоя», – цедил трактирщик.

«Сможешь убить клыкастого Бориторнского Вепря – и она твоя, – скалился странник. – Вот только беда – нет здесь Бориторнского Вепря с его клыками».

«Самые беды здесь – это шпага и злоба её дяди, – издевался болтун. – Он тебя раскроит от горлышка до пупочка».

«Рост Герцога – семь футов и девять дюймов! И он в самом расцвете сил – ему только пошел двадцать восьмой год, – пробулькал пьяница. – Его рука так холодна, что часы остановит, так сильна, что быка задушит, так быстра, что ветер поймает! А менестрелей он крошит в свой суп, как гренки».

«Наш менестрель согреет сердце старика песенками, ослепит его яхонтами и золотом», – ухмылялся смутьян. – Он потопчется на герцогских камелиях, расплещет его вино, затупит его шпагу, назовёт свое имя, начинающееся с букв Кс, и после всего этого Герцог скажет: возьмите же Саралинду и мое благословение, о властительнейший Принц, о наездник солнца, о ваше Тряпишество, о ваше Лоскутство!»

Смутьян весил добрых семь пудов, но менестрель поднял его, подбросил, подхватил и посадил обратно, а потом расплатился и покинул таверну.

«Я где-то уже видел этого юношу, – размышлял странник, глядя вслед Ксингу. – Но только он не был ни оборванцем, ни менестрелем. Дайте мне припомнить, где же это было?»

«В супчик, – бормотал пьянчужка, – как гренки...»

Глава II

Зыбкий жёлтый месяц озарял ночь, поднимая на свой рог белую звезду. А в мрачном замке на холме фонарь то вспыхивал, то мерк, то загорался, то затухал, подобно тому, как костлявый Герцог крадучись появлялся то в одной комнате, то в другой, прихлопывая по пути летучих мышей и пауков, давя крыс.

«Ослепить Герцога яхонтами!» – воскликнул менестрель. «Чувствую, кто-то здесь есть, но кто это, и где он, не могу догадаться». Он задумался, прикажет ли ему Герцог окрасить снег в пурпур, или сделать стол из опилок, или просто раскроит его от горла до пупка и скажет Саралинде: «Он соврал, твой последний дурень, безымянный менестрель. Я прикажу своим слугам скормить его гусям». Менестрель вздрогнул в лунном свете, представляя себя рассечённым от горла до живота... Но как, каким образом и когда он сможет проникнуть в замок? Герцог никогда не пригласит оборванного менестреля за свой стол, не даст ему задания, не позволит ему увидеть принцессу. «Но я найду способ, – подумал Принц. – Я что-нибудь придумаю».

Было уже поздно и гуляки, шатаясь, брели домой из трактиров и таверн, и были они отнюдь не в лохмотьях и тряпье, напротив, некоторые даже в бархате. Треть городских собак начала лаять. Менестрель снял лютню с плеча и стал импровизировать, ведь он уже кое-что придумал.

Слушай, слушай, псины лают —
Брешут всё смелее!
Всех, кто в бархате, кусают,

Но меня не смеют!

Пустослов, ковыляющий домой в постель, рассмеялся, услышав песню, а смутьяны и пьяницы стали собираться и слушать.

Герцог любит щеголей,
И зовет на чай их,
Только мне, певцу, милей
Мой шалаш случайный!

Горожане столпились вокруг менестреля, смеясь и хлопая в ладоши. «А он дерзкий, этот оборванец, про Герцога поёт!» – захихикал затесавшийся в толпу напыщенный старикан. А менестрель продолжал.

Слушай, Герцог, лают псы —
Где твои котята?
Потроха для колбасы,
Шкурки для перчаток!

Толпа смолкла в изумлении и трепете, ведь все горожане знали, как Герцог убил одиннадцать человек только за то, что они просто загляделись на его руки, руки в бархатных перчатках, усыпанных сияющими рубинами и алмазами. Страшась, что их заметят в обречённой и безнадежной компании сумасшедшего менестреля, гуляки разбежались по домам, чтобы рассказать жёнам о случившемся. Только тот странник, которому показалось, что он где-то раньше видел певца, задержался, чтобы предупредить его об опасности. «Я видел тебя в сиянии турнира, видел, как ты одолевал рыцарей в поединках, сталь крушил, словно сухарь крошил. Кто ты? Сын Тристана? Или Ланцелота? Может быть, ты Тун? Или Тора?»

«Я странствующий менестрель, – отвечал певец, – весь в заплатанной рванине...» Он прикусил язык. Не сказать бы лишнего!

«Знаешь, даже если ты сам могучий Зорн Зорнийский», – сказал странник, – тебе не уйти от ярости Герцога. Он тебя располосует от горла до пупка – вот отсель и досель». Он коснулся живота и горла менестреля.

«Спасибо, теперь я знаю, что мне прикрывать», – вздохнул менестрель.

Чёрная фигура в бархатной маске и плаще с капюшоном промелькнула за деревьями. «Это Шептало, главный соглядатай холодного Герцога, – сказал странник. – Завтра он умрёт». Менестрель ждал пояснений. «Его удавят в наказание за донесенье о перчатках. А я сейчас уйду в изгнание, иначе будет мне несладко, – Странник вздохнул. – Тебя, беднягу, наш Кощей не пустит к аналою – ты станешь трапезой гусей, как прочие герои. Прости же, юный менестрель – с тобой идти не стоит».

Странник исчез, словно муха в пасти жабы, и менестрель остался в одиночестве на тёмной пустынной улице. Откуда-то донёсся тяжёлый удар колокола. Менестрель снова начал петь. И тут мягкий пальчик коснулся его плеча, и он, обернувшись, увидел маленького человечка, улыбающегося в лунном свете. На нём была совершенно неопишная шляпа, в его широко открытых глазах сквозило удивление, как будто он здесь впервые оказался, а борода его была тёмной и вполне обычной. «Если у тебя нет ничего получше твоих песенок, – сказал он, – то у тебя слегка меньше, чем много, и лишь немногим больше, чем нечто».

«А это уж моё дело, как хочу, так и пою», – ответил менестрель, заиграл на лютне и запел.

Трус улёгся на кровать,

Время сна настало!
Утром Герцогу вставать
И казнить Шептало!

Улыбка исчезла с лица старичка.

«Кто ты?» – спросил менестрель.

«А я Голакс, – гордо ответил старичок, – я не какая-нибудь обычная штуковина, а единственный Голакс на целом свете».

«Да, ты на Голакса похож, как Саралинда на розу», – сказал менестрель.

«Я похож только на половину вещей, о которых говорю, что не похож на них, – сказал Голакс, – а другая половина похожа на меня». Он вздохнул. «Я всегда должен быть рядом с людьми, у которых беда».

«Я со своей бедой сам разберусь», – сказал менестрель.

«Только половина этой беды твоя. Другая у Саралинды».

«Об этом я не подумал, – сказал менестрель. – Ну хорошо, я доверяю тебе, и пойду с тобой куда угодно».

«Не так быстро, – сказал Голакс. – Половина мест, где я был, не существует. Я всё выдумываю. Половину вещей, о которых я говорю, невозможно найти. Когда я был молод, я рассказывал историю о зарытом золоте, и люди шли за много верст, и перекопали весь лес. Да я и сам копал».

«Но зачем?»

«А я думал, что история про сокровища может быть правдой».

«Но ты же сказал, что сам её выдумал».

«Я знал, что выдумал, но потом решил, что не знал. Я еще и забывчивый».

Менестрель почувствовал смутную неуверенность. «Я ошибаюсь, но я всегда на стороне Добра, – продолжил Голакс, – благодаря одной беде и одной счастливой случайности. Когда мне было два года, я всерьёз склонялся ко Злу, но потом, в юности, я встретил светлячка, горящего в паучьей сети. Я спас его».

«Светлячка?» – спросил менестрель.

«Паука. Из-за мерцающего поджигателя паутина уже была в огне».

Сомнения менестреля росли, и он уже был готов скрыться, но тут тяжёлый колокол ударил в замке, вспыхнули огни, раздалась команда и приказания. Поток факелов спускался от замка в темноту. «Герцог услышал твои песни, – сказал Голакс. – Жир на сковородках, кости брошены, джигу пляшем босиком на горошинах, гусь томится в горшке, но кот уже не в мешке».

«Мой час настал», – промолвил менестрель. Послышался слабый отдалённый скрежет, словно на камне точили стальной клинок.

«Герцог готов скормить тебя своим гусям, – сказал Голакс. – Надо нам сочинить историю, чтобы остановить его руку».

«Какую историю?» – спросил менестрель.

«Такую историю, – сказал Голакс, – чтобы Герцог поверил, что, убив тебя, он зажжёт свет в чьём-нибудь сердце. Он ненавидит свет в сердцах людей. Думаю, тебе надо сказать, что такой-то принц и такая-то принцесса смогут пожениться только вечером второго дня после того, как Герцог отправит тебя на корм гусям».

«Надеюсь, ты не будешь продолжать в том же духе?» – сказал менестрель.

«Но история выглядит правдиво, – возразил Голакс, – и похожа на ведьмин заговор. А Герцог от заклинаний ведьм прямо трепещет. Я уверен, что он остановится, да, я так думаю».

Топот марширующего отряда всё приближался. Латники Герцога окружили их, пылали факелы, сияло оружие и броня. «Стой!» Раздалась лязг и звон.

«Не трогайте моего друга!» – взмолился юноша.

«Какого ещё друга?» – прорычал капитан.

Менестрель посмотрел вокруг себя, но никого не увидел. Один из латников загоготал и сказал: «Может, он Голакса видел?»

«Никакого Голакса не существует. Я точно знаю, я в школе учился, поняли!» – сказал капитан. И вновь сомнения одолели менестреля.

«Встать в строй! – заорал капитан. – Равняйся! Шагом марш!»

«Что, команды не слышал? Пошёл!» – сказал сержант. И они повели менестреля к донжону замка. Поток факелов медленно поднимался по склону холма.

Глава III

Настало утро. Ледяной Герцог смотрел в окно замка, и казалось, что он любит яблоками в цвету или порхающими птичками. На самом деле он следил, как его слуги скармливали гусям останки Шептало. Он обернулся, прохромал три шага и устался на менестреля, стоявшего в главном зале замка со связанными за спиной руками. «Какой такой принц? В какую такую девицу он влюблён? К чему твои бессмысленные и бесполезные речи?» Его голос прозвучал подобно шипению капель расплавленного металла, прожигающего бархат.

«Благородный принц и благородная леди, – ответил менестрель. – Их свадьбе будут рады миллионы».

Герцог извлёк свою шпагу из трости и полюбовался ей. Он прохромал вокруг своего пленника, встал напротив, мягко коснулся его горла, а потом и его живота, вздохнул, нахмурился и вложил шпагу обратно. «Нам придется придумать для тебя особо занятное задание, – сказал он. – Мне не по душе твои фокусы и уловки. Думаю, нет никакого принца и никакой девицы, которые поженятся, когда я тебя прикончу, но я всё-таки не уверен до конца». Он усмехнулся и повторил: «Мы тебе придумаем весёленькое заданьице».

«Но я же не принц, – сказал менестрель. – Только принцы могут искать руки Саралинды».

Холодный Герцог продолжал усмехаться. «Ну и что, мы тебя произведём в принцы, – сказал он. – Будь принцем Рубиц и Заплат». Он хлопнул ладонями в перчатках, и появились двое слуг, бесшумных и бессловесных. «В карцер его, – распорядился Герцог. – На хлеб без воды и воду без хлеба!»

И вот, когда слуги повели менестреля, в зал по мраморной лестнице лёгким облачком выплыла принцесса Саралинда. Слово кристалл, сверкнуло глаз Герцога. Изумлением загорелся взор менестреля. Она была высокой и стройной, и фрезии были вплетены в её тёмные косы, и свет покоя и мира окружал её, словно радуга. Поэт сравнил бы её уста с розой, лик – с белой лилией. Небесной музыкой звучал её голос, очи сияли, словно свечи в тихую полночь. Она шла по залу, словно дуновение ветерка по фиалкам, а улыбка её сияла, и сам воздух наполнился нежным и нездешним благоуханием. Принц застыл от её красоты, но не оледенел, а Герцог, что был оледеневшим, но не застывшим, вытянул руки в перчатках, словно её тепло и нежность могли согреть его ладони. Менестрель заметил, как тёплый румянец приливает к щекам хромца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.